

по господню повелению (по приказу властей, — *И. Б.*), вижь беду, вижь страсть (страдания, — *И. Б.*) и рыци: ох мъне, си за едино съгрешение стражють, аз же по вся часы владыце моему Христу съгрешаю и в льготе пребываем¹. Приведем еще одно не лишнее выразительности место: „Сядящю ти над мъногоразличною трапезою, помяни сух хлеб ядуштааго и не могуштааго си (себе, — *И. Б.*) воды принести недуга ради... Лежащю ти в твърдо покръвене храмине, слышащю же ушима дъждевнoе множество, помысли о убогих, како лежать ныня дъждевными каплями, яко стрелами пронаждаеми... Сидяшту ти в зиму в тепле храмине и без боязни изнаживъшуся, въздъхни, помыслив о убогих, како клячатъ над малъмь огньдъмь съкърчивъшеся, большу же беду очима от дыма имуште, руде же тъкмо съгревающе, плешти же и все тело морозъмь измързше“². Такие наставления проходят через весь „Изборник“ 1076 года.

Составитель „Изборника“ придает столь большое значение милостыне, что решается привести даже такой „соблазнительный“ вопрос, обращенный к Афанасию: „Камо есть польза приносить имение свое: в церковь ли, ли ништим даяти?“. Ответ гласит, что Христос обещал „уготованное“ „цесарствие“ тем, кто был милостив „к ништим, инокым и темничником“, „и ничесо же иного не помяну“ Христос, подчеркивает автор. От себя же он в связи с вопросом о милостыне добавляет рассуждение о том, приносить ли дары в церкви: „Обаче суть и церкви не имушта съсуд неких нужных, тем же лепо приносить и дати. А иже в богатыя церкви приносить, то не вестъ, чьто по семь будеть събираемая ту: многы бо церкви лихо събъравъша и добре его не устройвъша. Последи же или погыбоша небрегомы, или от татий и ратьник отъята быша приношения“³.

Таким образом, на прямо поставленный вопрос: кому предпочтительнее давать милостыню — нищим или церквам, автор, опираясь на авторитет Христа, отвечает: нищим. Но если церковь нуждается в самом необходимом, можно жертвовать и ей; приношения в богатые церкви автором осуждаются.

Проповедью, нашедшей выражение в приведенных правилах, христианская церковь всегда преследовала цель сгладить общественные противоречия и смягчить недовольство угнетенных классов. Такая проповедь особенно усиливалась в периоды обостренной классовой борьбы, когда господствующий класс для „успокоения умов“ пускал в ход и средства идеологического воздействия. Именно такой цели мог служить второй „Изборник“ Святослава, в котором нормы христианской морали преподавались с исключительной настойчивостью, притом с учетом непосредственных мирских интересов своих читателей. Вот характерный пример. Предлагая широко раскрывать двери перед нищими, давать приют скитающимся по улицам, вводить их в свои хоромы, делить с ними трапезу и т. п., составитель сборника считает все-таки необходимым предостеречь своих читателей: „И не всякого человека въведи в дом свой: блюдися зьлодея“⁴.

Особенно выпукло выступает связь „Изборника“ с окружающей жизнью в тех статьях, где говорится об обязанностях богатых в отношении их работников. Прежде всего богатым и знатым предлагается не озлоблять „меньших“ и не доводить их до „гнева“: „Чадо, жита

¹ Сборник Святослава, лл. 39 об.—40 (стр. 26).

² Там же, лл. 40—42 об. (стр. 26—28).

³ Там же, лл. 205—206 об. (стр. 94—95).

⁴ Там же, л. 148 (стр. 71).